

ЧЕЛКАНЦЫ

С возведением Томского города (1604) и Кузнецкого острога (1618) русские служилые люди получили опорные пункты для проникновения на юг и юго-восток Западной Сибири вплоть до отрогов Алтая и, вместе с тем, для объясачивания незнакомых доселе тюркоязычных этносов, среди которых оказались челканцы (щелканцы, шалкальцы).

В отечественной историографии утвердился тезис о том, что первые упоминания о челканцах в русских документах относятся к 1625 г., а значит именно так датируется первое знакомство русских с этой группой южносибирских тюрков. Тогда казаки Сидорко Федоров и Ивашко Путимец, посланные из Кузнецка «в Телесскую землю и в Щелканы», сообщили, что «в Щелканской волости по смете 20 человек, а ясаку с них взяли... 20 соболей вновь»¹. Но в приведенном небольшом отрывке заключены некоторые неясности. Слово «вновь» можно понимать двояко: либо как «новый», т.е. первый, ясак, либо как ясак, собранный заново, после известного временного промежутка. Более предпочтительным кажется второе понимание, которое косвенно подтверждается отпиской кузнецкого воеводы Федора Голенищева от 1627 г. в Москву: здесь упомянуты «вновь объясаченные землицы Мутарская (Моторская – Л. Ш.) и Тубинская»². Но они были «подведены под государеву руку» и объясачены еще в 1609³ г., однако позже «отложились» и несколько лет ясака не платили. Более того: имеется документ, который объясачивание Телесской земли относит к 1622 г.⁴

Таким образом, вполне допустимо, что соседние с телесами челканцы уже давали какой-то ясак до установившейся в литературе даты, а потом отказались от его уплаты. Просто пока не найдены документальные свидетельства этого.

В административно-фискальном отношении челканцы подчинялись Кузнецкому острогу и с 1629 г. значились в ясачных книгах Кузнецкого уезда как «ясачная Щелканская волость»⁵. В этнокультурном плане в первой половине XVII в. они составляли одну из Кузнецких волостей (волость – тяглые люди, а не земли) и

входили в понятие «Кузнецкие люди» в широком смысле слова. Это обстоятельство помогает устранить вторую кажущуюся несообразность приведенной выше цитаты: из нее следует, что с челканцев был взят один соболь с человека, хотя в те годы обычная подать, без поминков, определялась в десять соболей.

В начале 1620-х гг. центральная администрация была обеспокоена слухами о возможной войне против Томского города и Кузнецкого острога, которую якобы готовили енисейские кыргызы и их подданные в союзе с «черными колмаками»⁶. К тому же, в это время по-прежнему сложными оставались отношения «кузнецких людей» со сборщиками ясака и сибирскими властями вообще. Документ 1622 г. досадует: «...кузнецких людей в Кузнецкой земле тысячи с три, и все те кузнецкие люди горазды делать всякое кузнецкое дело. И из тех кузнецких людей дают государю ясак немногие люди, которые живут близко к острогу, всего с 200 человек. А которые же кузнецкие же люди живут от Кузнецкого острога далеко – и теми кузнецкими людьми всеми владеют колмацкие люди и ясак с них емлют соболями и железом всяким деланным»⁷.

Угроза очередной осады Кузнецкого острога и попытки русских властей уладить противоречия с кузнецкими людьми привели к тому, что по государеву указу 1622 г. к кузнецким воеводам Тимофею Бабарькину и Осипу Оничкову из Тобольска послали 200 служилых, которые должны были сменить «томских годовальщиков» и привести «под государеву руку к шерти ласкою» кузнецких ясачных людей, «а приведя к шерти, велено с них ясак на государя собрать с кого сколько мочно взяти, чтоб их не ожесточить» (разрядка моя – Л. Ш.)⁸. Видимо, среди недовольных кузнецких людей были и «окраинные» челканцы, и тогда становится понятным тот ничтожный ясак, который они дали в 1625 г. Одновременно это говорит о наличии русско-челканских контактов до этой даты.

Исследователи уже не раз обращали внимание на то, что Шелкальская (Шелканская) волость, как и кумандинские, в документах XVII в. часто относятся к Кондомским волостям⁹. И если С. А. Токарев предположил, что такое название закрепилось за ними из-за их расположения на Кондоме¹⁰, то Л. П. Потапов считал, что наименование «Кондомские волости» отражает речной путь,

которым с ними был связан Кузнецкий острог¹¹. Думается, что пояснение такого рода стало возможным лишь после того, как напрочь забылось первичное содержание понятия «Кондомские волости». Принимая во внимание свидетельство 1622 г. о многочисленности кузнецких людей (3000 ясачных душ), о том, что основная их часть обитала далеко от Кузнецка и контролировалась «колмацкими людьми», заключим: «Кузнецкая земля» простиралась на юг, юго-запад и запад от острога и входила в зону влияния ойратов – прямую и через посредство телеутов и кыргызов, вынужденных считаться с могущественной Джунгарией. Документ 1630 г. перечисляет Кондомские волости: Елейская, Итиберская, Сарачерская, Каргинская, Кумандинская, Кузенская, Комляшская, Щелканская, Тиргышская¹².

Таким образом, «Кондомские волости» – это южный сегмент «Кузнецкой земли», которую в этнокультурном плане можно определить как абинско-кумандинскую общность¹³, учитывая этнонимическое обозначение некоторых ясачных волостей XVII в. В нее, кроме абинцев и кумандинцев (или их субстрата) должны быть включены *итиберы* (иттибер, чедыбер), *елейцы* (челей), *юссы*, *тастары*, *комдоши*, часть *шорцев* (сары-чор), *челканцев*, *кузенов*, а также население «степных волостей» – *тагапцы* (таг-аба), *тогульцы* (тонг, тонгула), *кумышы*, *кереты*, (аз, аш) – *кыштымы*.

Общее этногенетическое и культурное наследие, возможно, уходящее корнями в гунно-сарматскую эпоху или, по крайней мере, в начало процесса тюркизации населения Кузнецкой котловины. Верхнего Приобья и Северного Алтая, обеспечивало этнокультурную целостность «Кузнецкой земли» начала XVII в. Именно этим обстоятельством объясняются культурные, хозяйственные, ментальные аналогии и совпадения у населения Чумыш-Томь-Абаканского междуречья, а также наличие одноименных сеоков («вторичных родов») в составе современных шорцев, телеутов, северных алтайцев.

Челканцы, географически оказавшиеся на водоразделе Кондома-Бия и при водораздельных землях, обнаруживают этнографические параллели как с современными шорцами, так и с северными алтайцами, особенно с кумандинцами.

В качестве особого этноса под названием «Лебединцев» челканцев впервые выделил В. Радлов: «Лебединские татары

называют себя *куу-ки-жи*, что означает «люди с Лебеди», т.к. основной район их расселения – бассейн р. Лебеди с притоками (куу – ‘лебедь’)¹⁴. В. Радлов назвал и два сеока, на которые разделялись лебединцы: *якшы* и *чалган*.

В 1930-е гг. Л. П. Потапов уточнил челканское наименование сеоков: *чалканыг* и *шакшылыг* (или *шакшы*)¹⁵. Названия утвердились в литературе, хотя относительно второго стоило бы помнить замечание из полевых материалов А. В. Адрианова и Г. Н. Потанина: «*шапшылы* – там же, где и *шалканы* (сами родовичи произносят ч а л к а н ы и ч а ч к ы л ы)»¹⁶.

Сеоки были экзогамными, но, кроме того, существовал ряд экзогамных запретов по отношению к некоторым сеокам соседних этносов и наоборот – брачные отношения с другими считались предпочтительными. Это наблюдение позволило Л. П. Потапову поставить вопрос о разном происхождении двух челканских родов. Его полевые материалы подтвердили этот тезис. Было записано предание, из которого следовало, что сеок *кузен* (тубаларский) и *чалканыг* своим происхождением связаны с родными братьями по имени Кузенек и Чалганак, поселившимися на правобережье Бии. Братья пришли в эти места из более северных лесных районов Кузнецкого уезда. Они занимались земледелием и скотоводством. Потомки Чалганака остались затем на р. Лебедь, а потомки Кузенека переселились на левый берег Бии с намерением развести скот, поскольку на правобережье удобных для скотоводства мест нет. Предание – заключил Л. П. Потапов – увязывает челканский род *чалканыг* с Кузнецкой землей, и переселение это могло состояться в конце XVI в. или в самом начале XVII в., т.к. Шалканская и Кузенская волости отмечены в 1625–1629 гг.

Но в 1930-е же годы тем же Л. П. Потаповым записано и другое предание, которое сами челканцы датируют «ойротским временем», т.е. периодом распространения политического влияния Джунгарии на весь Алтай. Повествуется, что Ойрот-хан собирал алман по р. Иртышу, с которого вошел в верховья Катуня и двинулся вниз по реке. Достигнув слияния с Бией, хан стал подниматься вверх по ее течению, о чем стало известно челканцам. В знак покорности они водрузили при впадении Лебеди в Бию шест с висящей на нем соболиной шкуркой. Завоеватель поэтому обещал не трогать челканцев, если те будут платить ему дань пушниной и железом.

Из этого текста Л. П. Потапов сделал вывод о том, что челканцы жили по р. Лебедь вплоть до ее устья еще до прихода сюда кумандинцев, будучи обложены алманом в пользу ойратов еще до появления русских в этих местах¹⁷.

Налицо явное противоречие: по одной версии исследователя, челканцы появляются на Лебеди в конце XVI в. в начале XVII в., по другой же – в это самое время они, исконные жители реки, платят дань *джунгарским контайшам* задолго до русских.

Недоразумение легко устраняется, если всю территорию Кузнецкой земли рубежа XVI–XVII вв. признать за этническую территорию абинско-кумандинской общности, частью которой являлись и предки челканцев-чалканыг. Тогда передвижения отдельных групп населения внутри общей этнической территории не являются миграцией в терминологическом смысле. При этом следует отметить устойчивость этнонима чалканыг, от которого получила название целая ясачная волость; отсутствие в «сеоке» более мелких подразделений, кроме патронимических.

Из сказанного следует, что челканды-чалканыг – достаточно сконсолидированный осколок древнего этноса, входившего, возможно, в состав дотюркского населения Обь-Томского междуречья. В пользу этого свидетельствует и невозможность перевода этнонима из тюркских языков.

Относительно второго чалканского «сеока» *шашкылыг* (шакшылыг) имеются убедительные доказательства его телесского происхождения. Из собранных Л. П. Потаповым преданий следует, что его предки жили у Телецкого озера, насчитывали «40 дымов» (юрт) и часто воровали лошадей у енисейских кыргызов, обитавших на р. Абакане. Кыргызы нередко наказывали шашкылыгов и, наконец, полностью их разгромили» уничтожив почти поголовно. Но во время побоища один мужчина отсутствовал, сватая себе невесту в верховьях Лебеди. Он-то и спасся, положив начало сеоку Шашкылыг, населившему берега р. Кылык, левого притока Байгола. Другой случайно уцелевший мужчина стал прародителем шашкылыгам, расселившимся по р. Садре, левому притоку Лебеди. Именно кыргызским погромом объясняется немногочисленность сеока¹⁸.

Исследователи давно обратили внимание на два важных момента. Во-первых, свой современный этноним население

бассейна Лебеди получили от названия ясачной Шелканской волости XVII в. Во-вторых, именно из сеока чалканыг в XIX в. всегда выбирался волостной старшина *паитык*¹⁹, хотя к этому времени лебединцы устойчиво делились на две половины: разные по происхождению, но составлявшие одно целое. Судя по всему, при первоначальном объясачивании, как и позже, «сеок» чалканыг занимал доминирующее положение и именно с его представителями имели дело русские служилые люди XVII в. Поэтому из его среды происходили сначала потомственные, позднее – назначаемые *паитыки*.

Учитывая, что русские власти часто делили население этого региона на ясачные волости по этнонимическому принципу – Итиберская, Сарычёрская, Кузенская и т.д., в отличие от волостей вокруг Кузнецкого острога, строившихся на патронимической основе – Бежбояков улус, Барсояцкий улус и пр., можно предположить, что в начале объясачивания предков сеока шашкылыг в бассейне Лебеди еще не было. Соответственно не была выделена одноименная волость и шашкылыги не имели собственного *паитыка*.

Но род шашкылыг далеко не единственный сеок телесского происхождения в бассейне Бии. В составе североалтайских инородных управ XIX в. аналогичные истоки имели род *ярык* (Комляжская и Юсская), род *чагат* (Кергежская и Комляжская)²⁰, составлявшие 30% от всего населения этих управ, числом 3468 душ. Мощный «телесский пласт» северо-алтайских аборигенов вряд ли стоит объяснять лишь следствием кыргызских набегов.

Собственно телесская волость на северо-западном берегу Телецкого озера впервые была обложена ясаком в 1622 г., а князь ее Мандрак «шертвал великому государю». Ясак с нее был взят и в 1625 г. Видимо, несмотря на ее удаленность от Томска и Кузнецка, ясачные сборщики посещали ее довольно регулярно, а сын Мандрака Айдар, будучи в томских аманатах, сопровождал Ф. Пушина в походе на Верхнюю Обь в 1632 г. Однако, телесы периодически отказывали русским в выплатах ясака, что влекло за собой карательные акции – в 1633, 1642, 1646, 1653 гг. Их следствием оказались «побегии» – отселения телесов или их части на север к Абаковым телеутам; на южное побережье Телецкого озера к

саянцам (сойонам), которые и сами были здесь сравнительно недавними пришельцами.

Дело в том, что усиление в конце XVI в. хотогойтских Алтанханов и распространение их влияния на Западную Туву вынудили часть тюркоязычных саянцев, потесненных монголами, мигрировать на Алтай. Некоторые из них осели по Чулышману, другие двинулись на северо-запад и смешались в общем миграционном потоке с будущими Абаковыми телеутами, оказавшись в Верхнем Приобье (*кужсегеты, орчаки, точи, керсагалы*)²¹. В 1637 г. Алтан-ханы стали претендовать уже и на телесов, требуя от них *алман*²².

Телесы, теснимые сойонами, ожидающие русских, ойратских, хотогойтских сборщиков ясака или карателей, ищущие спасения в бегстве, «разбежавшись», неизбежно потеряли свою этническую целостность. Оставшиеся на прежнем месте не могли противостоять ни натиску мигрантов, ни постоянным набегам енисейских кыргызов. В результате телесские группы, выселившись, осели в бассейне Бии и ее притоков, в виде «сосков» инкорпорировавшись в состав местного, родственного по языку, населения.

Внедрение телесских групп отнюдь не было одномоментным или кратковременным, внешне однотипным. Так, Чагатская волость, видимо, заключавшая в себе многочисленную и относительно самостоятельную группу, документально фиксируется уже в 1627 г. Время появления сеока *ярык* в составе Комляжской и Юсской волостей, равно как и *шашкылыг* в Шелкальской доподлинно неизвестно. Можно, впрочем, обоснованно предположить, что тех и других на этих землях не было в момент первичного ясакообложения и образования волостей, и, «выйдя из телессов», они на новом местообитании были присоединены к уже обозначенным ясачным волостям в качестве несамостоятельных подразделений – как в силу пришлости, так и малолюдства. Произошло это значительно позже, поэтому *ярыки* и *шашкылыги* не были зафиксированы под своими настоящими названиями, а платили ясак в составе «принявшего» их населения.

На этот счет в материалах А. В. Адрианова, Г. Н. Потанина имеется показательное замечание. Чалканьги трактуют название «шашкылыг» как «взятые в плен», «пленные», может быть, «примаки». Это описательное название, учитывая «военное

состояние» южной Сибири в начале XVII в. и крайне неустойчивое положение телесов, о котором речь шла выше, видимо, вполне адекватно отражает причины и обстоятельства появления «сеока» шашкылыг в среде собственно челканцев. Казалось бы, не будучи самостоятельным фискально-административным образованием, не имеющие своего главу шашкылыги были обречены на зависимость и размывание. Но процесс формирования челканского этноса-полуизолята, состоящего из двух взаимобрачных частей, получил биологический импульс, «оживил» дуально-экзогамную модель социального устройства наподобие угорской, возможно, отразив какие-то древние формы организации социума, связанные с дотюркским субстратом.

Итак, этнографические и исторические материалы вполне определенно свидетельствуют о том, что начало этногенеза особого челканского этноса, разделенного на два экзогамных «вторичных рода», приходится на ХУП в. Консолидация нового этноса проходила на основе взаимопроникновения двух гетерогенных, но родственных по языку компонентов в условиях относительной изоляции на «окраинно-пограничных» землях. Компонент «чалканыг» – ядро будущих челканцев, «фрагмент» обширной абинско-кумандинской общности, в чью этническую территорию входил бассейн Лебеди от ее впадения в Бию, появился здесь первым, видимо, не позднее рубежа ХУ1–ХУП вв. Вторая составляющая – осколок телесов «шашкылыг» приселился к более жизнеспособной группе «хозяев земель», очевидно, после 1622–1625 гг. Долгое сосуществование и взаимобрачность привели к размыванию этнических различий и прерращению соседствующих разноэтничных групп во внутренние подразделения единого этноса челканцев – «вторичные роды».

Этническое развитие проходило в сложной и бурной политической обстановке, когда Северный Алтай становится зоной соперничества кыргызов, телеутов, ойратов, хотогойтов, русских, затем ареной борьбы за кыштымов между Москвой и Джунгарией и, наконец, полностью переходит «под высокую государеву руку». Политический фактор ускори темпы этнической консолидации и этногенеза челканцев, как нового единого образования с общей этноспецификой. В том же направлении действовала и фискально-административная политика русских властей, окончательно

соединившая обе разнородные составляющие – *чалканыг* и *шапкылыг* – в рамках единой ясачной волости, в XIX в. ставшей называться Шелкальской, Кондомо-Шелькальской инородной управой.

Подчеркнем, что в Южной Сибири, в частности, в бийском бассейне, русские встретились с населением, давно воспринявшим суть государственных отношений как отношений господства-подчинения по преимуществу. В это время оно уже не имело собственных политико-потестарных объединений, но входило на условиях зависимости в сферу административно-фискальных, политических отношений киргизских княжеств и монгольских государств. Привычное существование в их социально-экономической структуре позволило южносибирским аборигенам безболезненно войти в формирующуюся административно-податную систему московско-сибирского социума. К тому же, все внешние атрибуты зависимости, подданства московскому государству оказались общеизвестными и привычными: *шерть*, *ясак* и *аманатство*. Они функционировали в Южной Сибири задолго до появления здесь русских отрядов.

Для русских властей главная проблема удержания ясачных в зависимости сводилась в основном к тому, насколько они способны защитить своих новоподданных от притязаний на них других государств, часто их прежних «сюзеренов». Ссылаясь на изыскания Г. Ф. Миллера, А. Х. Элерт констатирует: «Сбор ясака с татарских народов был вначале единственным намерением русской стороны в этих местах. Поэтому Кузнецкий острог был построен небольшим и длительное время не имел иных жителей, кроме приказчиков и казаков»²³. Иными словами, основной функцией ранних сибирских острогов были сбор и транспортировка ясака, защита же ясачных осуществлялась sporadически ввиду малолюдства гарнизонов. Вообще в течение всего XVII столетия русские людские ресурсы в Сибири оказались явно недостаточными, и потому решение вопроса о переводе ясачных в полное российское подданство затянулось почти на 150 лет.

Из документов явствует, что первоначально челканцы давали *алман* джунгарам, от которых они политически зависели по меньшей мере с конца XVI в. Тогда, после внутри ойратских междоусобиц, усилились *чоросы*, а часть *торгоутов* мигрировала

через Алтай в Верхнее Приобье. По традиции дань с челканцев периодически собирали енисейские кыргызы – скорее всего, *тубинцы* и *алтырцы*. Но удаленность междуречья верхней Томи – Бии от политических центров Южной Сибири обеспечивала его населению известную стабильность бытия. По словам И. Фишера, к моменту прихода русских: «...они (татары Кондомы и Мрасы, кузнецкие люди – Л. Ш.) не подвержены были еще никакой власти, но жили в природной своей вольности; иногда подъезжали к ним киргизы и, откупаясь от них, они отдавали им подарки своей работы – котлы, таганы, стрелы и т.д., чтобы не быть уведенными в неволю или не иметь других неприятностей»²⁴. Однако, как повествуют исторические предания, челканско-кыргызские контакты были регулярнее и прочнее. К тому же именно в енисейских кыргызах томские и кузнецкие воеводы видели главных своих соперников в борьбе за ясачное население южной Сибири – и в первые годы после возведения крепостей, и, особенно, в 20–30 гг. XVII в. В те же годы постоянно пытались обложить 9 алманом Кондомские и Кумандинские волости верхнеобские телеуты. В 1646 г. кузнецкий воевода А. Зубов доносил в Томск: «...Кокин сын Иурган в Шелкальской волости Кочигаши на пытке замучил, за то, что тот отказывался от уплаты алмана»²⁵.

Но с 1620-х гг. кыргызы и, особенно, телеуты, не могли считаться вполне суверенными. Силы их истощались в постоянном противостоянии русским, которым они не могли или не желали покориться, уравнившись в правах с собственными *кыштымами*. Усиление ойратов и образование Джунгарского ханства, быстро и успешно вышедшего на арену евразийской истории, заставили тех и других «прилепиться» к могущественному соседу и, фактически, осуществлять северную политику джунгар. И кыргызы, и телеуты не прекращали попыток взять алман с населения, формально объясаченного русскими, но теперь по наущению и под контролем джунгарских властителей, получавших львиную долю дани.

В 1640 г. Батур-хунтайджи предложил русским компромиссный вариант сбора податей со спорных волостей: двоеданство в пользу и Москвы и Джунгарии. Тем самым на долгое время определился социально-политический статус аборигенов Обь-Енисейского междуречья: ставши двоеданцами, они вынуждены были нести двойное тягло – русский *ясак* и джунгарский *алман*. В 1649 г.

кузнецкий воевода жаловался в Москву, что Кондомские волости, в том числе и Шелкальская, наученные телеутским Кокой Абаковым, выплатили не по 10, а по 5 соболей с души, т.е. «половинный ясак». На следующий год повторилось то же самое. Ясачные заявили сборщикам, что и впредь больше пяти соболей с человека давать не будут²⁶. По существу челканцы продемонстрировали буквальное понимание своего нового податного положения: другая половина установленного Москвой ясачного сбора – 5 соболей – ушла в Джунгарию, прямо или через посредников.

Зависимое население нередко сопротивлялось сложной политической ситуации и усилению экономического давления со стороны сюзеренов. Наиболее распространенной формой сопротивления было бегство с контролируемой ими территории. Так, в 1642 г. часть челканцев и тиргешей ушла «в телесы и в Саяны»²⁷. Впрочем, беглецы тут же попадали в кыштымы к Алтанханам.

Отношения между русской администрацией и кузнецкими людьми вообще складывались весьма непросто. Документы первой половины XVII в. полны возмущенными репликами: «кузнецы живут не в послушании,.. дали ясак не сполна, не со всех людей, в Томской город не пошли» (1610). «Тех волостей ясашные люди от государя отложились и ясака за этот год против прошлого дать не хотят, а служилых побили» (1630). У них-де «...на том уложено: государю ясаку не давать и ясатчиков побивать» (1620-1626)²⁸. Русские в ответ при первой возможности устраивали карательные походы против отказчиков.

Мало того, что кузнецкие люди «ясак давали неполный», они старались подsunуть сборщикам низкосортную пушнину, и в первые годы отношений с русскими – далеко не по злому умыслу. Население, в частности, Северного Алтая традиционно практиковало такой вид комплексного хозяйства, где охота имела второстепенное значение, а пушной промысел – тем более. Наряду с земледельческим укладом, ведущую роль в нем играла добыча руд и металлургия, в особенности черная, и кузнечное дело. Именно оружием, доспехами и котлами здешние жители всегда платили дань сюзеренам. В наших полевых материалах по этнографии средней и верхней Бии имеется обширная верхнекумандинская терминология, касающаяся горнодобывающей отрасли и

железоделательного производства – тщательно разработанная и совпадающая с челканской.

Именно эта хозяйственная особенность всех представителей абинско-кумандинской общности заставляла их сюзеренов особенно их не притеснять и оберегать от нестабильности. Видимо, отсюда проистекает постоянная, нередко военная поддержка кузнецких людей сильными соседями – *кыргызами, ойратами* – в их сопротивлении русским. Более того, требовалось постоянное военное присутствие южносибирских государств из-за острых противоречий, порожденных исключительно «пушной» направленностью русской ясачной политики, приводившей к экономической и податной разрухе к общей нестабильности среди *кыштымов*. Поэтому Джунгария, заинтересованная в поступлении с Томи, Кондомы, Би, Лебеди высококачественного железа, всеми силами, в том числе и через двоеданство, удерживала здесь свои позиции, пусть и в ущемленном виде, вплоть до полного уничтожения ханства цинскими войсками.

В XVII в. положение челканцев несколько улучшилось, более четко определился их двоеданческий статус. Этому способствовали внешние обстоятельства, Цинский Китай усилился и возобновил активную северную и западную политику, столкнувшись с интересами России и Джунгарии. В этих условиях оба государства вынуждены были, пойти на взаимные уступки в «ясачном вопросе» и взаимоотношениях вообще, дабы противостоять опасному общему противнику. Военное присутствие и политическое влияние русских и джунгар в Южной Сибири уравнились – тем более в отдаленных уголках, каким оставалась этническая территория челканцев. Последние даже смогли использовать заинтересованность обеих сторон в двойной зависимости податного населения. Их жалобы нередко достигали желанных результатов. Так, когда в 1738 г. в Кумандинских и Щелканской волостях случился голод, Галдан-Церен пригласил их представителей, принял тех в своей ставке и распорядился выдать потерпевшим из казны 200 отрезков ткани, русские же власти сложили с них ясачные недоимки за 1732–1734 гг.²⁹

Постепенно власти России и Джунгарии отладили механизм и пропорции двойного сбора податей, хотя грабительские наезды полностью не исчезли. Августовский 1745 г. рапорт кузнецкого

воеводы Шапошникова перечисляет Кузнецкие ясачные волости, где фигурируют и челканцы: «На здешней (правой – Л. Ш.) стороне Би, по Чернолесью, живут двоеданцы Шалкальская волость, 46 человек, ясаку дают 3 сорока 20 соболей»³⁰, т.е. 140 шкурок. Следовательно, каждый ясакоплатательщик сдавал в Кузнецкий острог не более 3 соболей. По данным за 1752 г. 15 мужчин Шалкальской волости платили *тайшам* по одной выдре и по пять железных таганов, т.е. размер *алмана* соответствовал 2 соболям³¹. Таким образом, из 46 ясачных только 15 были обложены *алманом*, преимущественно железными изделиями. Исходя из такого соотношения, русские власти считали, что «Шелкальская волость платят ясак в Россию и алман – в Зенгорию, но судом и расправою состоят ближе к России»³².

К середине XVIII в. среди двоеданческих Кузнецкий и «забийских» волостей достаточно отчетливо выделяются те, которые в большей степени тяготели к Кузнецку в административно-фискальном смысле. Среди них – Щелкальская, Итиберская, две Кумандинские. Размеры *ясака* и *алмана* были примерно одинаковы в Кузенской и Комляжской волостях, остальные в большей мере зависели от Джунгарии. Вообще в это время сбор *ясака* русскими и *алмана* ойратами значительно упорядочился, а размер подати стал не столь обременителен³³.

Другое дело, что русские сборщики брали ясак исключительно пушиной, при этом всячески препятствуя сбору джунгарского алмана железом – видимо, не желая дополнительного вооружения политических партнеров-соперников. Таким образом и в ХУШ в. продолжалась разрушительная переориентация комплексного хозяйства «кузнецких людей», в прудрусский период «железо делавших и пашни пахавших», на узкоспециализированную пушную охоту. В итоге к началу ХХ в. традиционно устойчивая система жизнеобеспечения тех же челканцев – хозяйственная деятельность, социальные отношения, культура, менталитет – подверглась необратимой эрозии. За ненадобностью из повседневной реальности и ментальной жизни, из привычек были выброшены многие этнокультурные традиции, связанные с неохотничьими отраслями прежней системы жизнеобеспечения, т.к. прекратилась их неперенная и всесторонняя повторяемость изо дня в день, из года в год, из жизни в жизнь. Из-за

гипертрофированного значения ясака, пушного промысла весь образ жизни южносибирских аборигенов, включая челканцев, обрел единообразную «охотничью окраску» даже там, где ее не было в течение столетий, если не тысячелетий, а охота являлась известным, нужным, но отнюдь не главным делом для существования этноса. Это обстоятельство, в свою очередь, послужило основой для выделения в этнографии в 1920–1930-е гг. особого хозяйственно-культурного типа пеших охотников тайги, соотношенного с первую очередь с Северным Алтаем и якобы существовавшего как в начале XX в., так и в начале XVII столетия.

Помимо разрушения биосферы в хрупких горно-предгорных экосистемах, пушная специализация отнимала у охотника огромное время, которого попросту не оставалось для каких-либо иных видов производственной деятельности. В результате традиционная экономика деградировала, ее продукты все чаще и шире замещаются привозными, русскими. Аборигены же утратили тысячелетний опыт комплексного хозяйства, позволявшего из-за своей гибкой сбалансированности им и их предкам вполне комфортно развиваться в условиях южной Сибири. Жизнь аборигенов при этом все сильнее зависела как от природных капризов, так и от внешних влияний. Эта общая деградация вольно или невольно фиксируется исследователями, начиная с В. В. Радлова и А. В. Адрианова.

Джунгаро-китайская война 1753–1756 гг. и гибель Джунгарского ханства предрешила дальнейшую судьбу челканцев: из двоеданцев они превратились в полноправных подданных Российской империи, пополнив собою складывающееся податное сословие сибирских инородцев.

Но, несмотря на постройку и укрепление Бийска как опорного пункта России в Горном Алтае, на проведение административной реформы 1804 г., челканцы по-прежнему остались в ведении Кузнецка и входили в одноименный округ. С образованием в 1804 г. Томской губернии и выделением Бийского и Кузнецкого округов, часть волостей – Кумандинские, Кузенская, Комляшская, Кергежская, Южская – отошли в ведение Бийска. К тому же, эти земли Бийского и Кузнецкого округов входили в состав Алтайского горного округа, но населявшие их аборигены подчинялись лишь губернской администрации,

С одной стороны, в этом проявилась евразийская традиция в российской государственности, когда территориальная подчиненность земель не увязывалась с административным управлением их населением. С другой стороны, хотя из Бийска управлять челканцами было бы ближе и удобнее, по некоей инерции эту функцию оставили за Кузнецком, т.к. прежде их волость жила на «Кузнецкой земле».

В 1804 г. Шелкальская волость, как и раньше, обитала по Бие и Лебеди и насчитывала 101 ясачную, душу. Численность ее не изменилась и в 1812 г.³⁴. Скорее всего, эта цифра сохранялась в ревизских документах еще с 1763 г., когда впервые появилась в материалах Комиссии Щербачева. В 1816–1817 гг. в Сибири была проведена перепись всего коренного населения, хотя и неполная³⁵. По ее данным, челканцев насчитывалось 132 ревизских душ, и это количество ясачных сохранялось в документах на протяжении всей первой половины XIX в. Известен и размер ясака, общей стоимостью в 145 руб. и равный 126 соболям³⁶, т.е. на одного ясачного приходилось менее 1 соболя или 1,09 руб. в денежном выражении.

Но этой небольшой суммой не исчерпывались все выплаты челканцев: продолжались различные поборы со стороны воевод и служилых, позднее – чиновников.

В 1822 г. вступил в силу знаменитый «Устав об управлении инородцев» М. М. Сперанского, коренным образом реформировавший и упорядочивший не только обязанности, права и внутреннее устройство сибирских аборигенов, но и определил сущность их отношений с государством³⁷. В этом кодексе челканцы были отнесены к разряду «кочевых инородцев», оставшись в административном подчинении Кузнецка. «Устав» сохранил многие апробированные принципы управления. Улусы численностью до 15 семейств имели «собственное свое родовое управление», а небольшие улусы причислялись к ним (§§ 94–95). Несколько улусов «одного рода» подчинялись Инородной управе (§ 103), как теперь называлась ясачная волость XVII–XVIII вв. Несколько изменилось и название административной организации челканцев. Теперь она именовалась Кондомо-Шелкальская Инородная управа, сохранив прежний смысл административно-податной единицы.

Статья 97, гласившая, что «староста избирается или наследуется», одновременно утверждала общий губернский контроль за органами местного самоуправления: как выборные, так и наследные *паиштыки* утверждались губернатором (§147). Но поскольку Инородные управы являлись нововведением, возглавлять их могли только старосты, выбранные «обществом». Обязанности инородных управ перед государством были таковы: «Народосчисление, расклад сборов, правильный учет всех сумм и общественного имущества, распространение земледелия и народной промышленности и ходатайство у высшего начальства о пользе родовичей» (§ 119). «Устав» определял: «Все вообще сборы с инородцев суть трех родов: казенные подати (ясак), земская повинность (выделение подвод, ремонт дорог, почтовая гоньба и т.д.), повинности внутренние – на содержание Инородной управы» (§ 296).

Кроме обязанностей, кодекс Сперанского оговаривал и «права инородцев», важнейшим из которых было право на «владение землями, ими обитаемые». (§§ 20, 28). В § 31 «строго запрещается россиянам самовольно селиться на землях, во владение им (кочевым – Л. Ш.) отведенных». Столь же важны §§ 34 и 85, касающиеся внутреннего самоуправления: инородцы «управляются собственными своими родоначальниками и почетными людьми, из которых составляется их степное управление» и «по степным законам и обычаям, каждому племени свойственным», т.е. на основе обычного права. Важное дополнение заключено в § 53, по которому «кочевые инородцы пользуются свободой в вероисповедании и богослужении», что ограничивало миссионерскую деятельность и делало принятие христианства делом личным и добровольным.

Таким образом, сибирские аборигены заняли свое легитимное место в социальной структуре Российской империи в качестве одного из сословий с определенными правами и обязанностями. Сословие это в «Уставе» впервые получило официальное название: «сибирские инородцы».

Причисление челканцев к разряду «кочевых инородцев» хотя и не вполне соответствовало их традиционному образу жизни, но укладывалось в рамки статьи 170 «Устава», гласившей: состояние инородцев кочующих и бродячих отличается «непостоянством их

жительству, степенью гражданского образования, простотою нравов, особыми обычаями, образом пропитания, трудностью взаимных сообщений».

Первым этапом введения в действие закона Сперанского явилось определение разряда каждой коренной этнической группы через классификацию каждого ее члена по отдельности. В результате при персональном отнесении конкретной ревизской души к тому или иному разряду получилось, что нередко в одной Инородной управе часть населения числилась оседлыми, а другая – кочевыми. Помимо того, что это нарушало целостность податной единицы – Инородной управы – создавались проблемы при сборе ясака.

Исправить положение были призваны две ясачные комиссии: для Западной и Восточной Сибири, созданные в 1828 г. Комиссиям вменялось в обязанность проведение переписи населения и составление новых окладных книг. Но и то, и другое можно было исполнить лишь при четком размежевании инородцев по разрядам, поэтому комиссии должны были скорректировать реальные результаты введения «Устава». За семь лет работы эти государственно-ревизионные органы добились немало, в частности, в Западной Сибири все ревизское инородческое население было разбито на управы, целиком и жестко привязанные к одному из разрядов.

Несмотря на изменения, произошедшие в некоторых Инородных управах Кузнецкого округа, челканцы были оставлены в разряде «кочевых». Правда, их численность сократилась: вместо 132 р.д. в 1830 г. до 84 р.д. в 1849 г. Сокращение численности ревизских душ объясняется и более точным учетом при переписи, и тем, что комиссия, опираясь на статью 57 «Устава», челканцев, постоянно проживавших в русских деревнях, приписала к крестьянским волостям. Они сменили сословие, перейдя из инородцев в крестьяне, и через одно-два поколения пополнили собою русско-сибирский субэтнос. Не исключено, что на уменьшение численности челканцев повлияла и массовая эпидемия оспы, прокатившаяся по Западной Сибири в 1830-е гг. и нанеся немалый урон их соседям – телесам.

После административной реформы 1822 г. челканцы составили отдельную Кондомо-Шелкальскую Инородную управу, в названии которой по-прежнему сохранился этноним. Так же, как и прежняя

ясачная волость. Инородная управа объединяла исключительно челканцев. Влияние административно-фискального устройства на процесс этногенеза челканского этноса продолжилось.

Кочевая Кондомо-Шелкальская Инородная управа должна была выплачивать *ясак*, в денежном выражении равный 33/42 коп. с ревизской души, а также нести земские и волостные повинности на общую сумму в 47 руб. 57 коп.³⁸ В расчете на ревизскую душу все годовые выплаты мужчин до 60 лет (а их к 1840-м годам числилось 84) составляли сумму в 53 с небольшим коп. Для сравнения крестьяне Подонинской волости – единственной в Кузнецком уезде, где в 1849 г. проживали государственные крестьяне – платили примерно 85 коп. с души.³⁹ В 1910 г. Шелкальская волость насчитывала 99 р.д., но резко увеличились податные сборы: душевой оклад составлял уже 1 руб. 28,5 коп., а общая сумма податей – 153 руб. 46 коп.⁴⁰ Приходится констатировать, что с середины XIX в. по начало XX в. налоговый пресс на челканцев заметно усилился. Этот процесс, помимо объективных экономических причин имел и другие, вызванные стремлением властей к фискальной нивелировке податных сословий Сибири. Выплаты инородцев «подтягивались» до размеров крестьянских выплат, что явилось материальным выражением государственной политики наступления на «особые права сибирских инородцев» в первом десятилетии XX в. Тем самым правительство и сибирская администрация рассчитывали унифицировать экономически и социально все тяглое население Сибири, сблизив сословные права инородцев и крестьян. В будущем планировалось упразднить Инородные управы, распространить волостное управление на аборигенов, а их самих включить в крестьянское сословие.

Но хотя налог и повинности челканцев в XIX в. были ниже крестьянских, они подвергались различным посягательствам со стороны русских торговцев и крестьян, несмотря на законодательный запрет русским появляться в инородных волостях без особого разрешения. В журнале Томского губернского правления от 20 марта 1854 г. отмечается: «Инородцы Бийского и Кузнецкого округа сделались неоплатными должниками торговцев и впали в полную их зависимость. Те же торговцы вывозят ежегодно из принадлежащих инородцам лесов в огромном количестве кедровые орехи, заводят в зверопромышленных лесах

пасеки и поселки, и тем самым отнимают у инородцев возможность пользоваться местами, способными промышленности. Оба эти обстоятельства ввергают инородцев в крайнюю бедность, лишают их всякой возможности образования и вредно действуют на их нравственность»⁴¹.

А. В. Адрианов, побывавший в долине Лебеди в 1881 г., сообщает: «Вся лучшая часть течения с богатейшими кормами, со всеми удобствами для развития земледельческой культуры и пчеловодства, захвачена русскими купеческими заимками... По Лебеди до 45 таких заимок, из владельцев которых более всего гремят между инородцами имена Казанцева, Тришкина, Андрея Гурьянова, Михаила Жданова, Кутиловых, Китова и др.»⁴²

Процесс захвата земель и их присвоения русскими поселенцами захлестнул всю Сибирь. Хотя «Устав» Сперанского недвусмысленно закреплял за аборигенами их этнические территории и только с их согласия крестьянам позволялось арендовать участки земли, но на практике закон в этой части оказался малодейственным. Во-первых, на местности территориальные владения Инородных управ, фактически, не определялись, поэтому всегда существовала возможность объявления захватываемых у инородцев земель «спорными» и начинались судебные тяжбы. К тому же, в 1782 г. у аборигенов в организованном порядке были изъяты все жалованные грамоты и прочие документы на земельную собственность, данные им в прежние годы. После этого земельные права подавляющего большинства аборигенных общества определялись только «Уставом». Во-вторых, хотя южносибирские инородцы входили в юрисдикцию губернских властей, жили они на Кабинетских землях, а значит, губернские землемеры не имели права проводить на них межевание. Процесс межевания крестьянских и инородческих земель затянулся, и даже открытие Алтайского горного округа для земледельческой колонизации в 1865 г. не исправило положения, т.к. в землемерах ощущался постоянный недостаток. В-третьих, челканская территория очень рано привлекла внимание чиновников горного ведомства.

С 1830 г. по западному склону Кузнецкого Алатау, на юге Горной Шории и в Прителецких горах началась разработка золотых месторождений. По рекам Кондоме, Мрассу, Томи, Лебеди, Байголу

и др. возникли государственные прииски, сосредоточившиеся в основном в верховьях этих рек и по притокам. На Кондоме насчитывалось 25 приисков, на Мрассу – 29, на Лебеди – 11, в районе Телецкого озера – до 29 и т.д. С 1863 г. частные лица тоже получили разрешение вести поиск, разведку и добычу золота на Кабинетских землях⁴³. Влияние приисков и приисковых нравов на жизнь аборигенов точно описано А. В. Адриановым: золотая лихорадка приводит к тому, что «люди и звери бегут прочь в еще более далекую, глухую тайгу, ... находя для себя соседство русских золотоискателей разорительным и постоянно подвергаясь стеснениям, обидам и угрозам»⁴⁴.

Рост количества русских деревень и заимок, государственных и частных золотых приисков не просто сокращал этническую территорию челканцев, ухудшал их экономическое положение, но и деформировал иные жизненные характеристики челканцев, и без того подверженные влиянию времени. Прежде всего, с начала XVII в. несколько изменилась сама этническая территория челканцев и их этническое окружение. Из документов той поры и исторических преданий, которые можно датировать первыми годами XVII в. следует, что род *чалканыг* занимал весь бассейн Лебеди с притоками вплоть до ее устья, где первоначально расселились кузены. В «Чертежной книге» С. Ремезова (данные 1695 г.) в устье Лебеди показана уже Верхняя Куманда⁴⁵. Кузенская волость в середине XVIII в. располагалась ниже устья Лебеди, по Бие в 20 верстах от Кумандинской⁴⁶. Истоки Лебеди, Кондомы, Мрассу берут начало на очень небольшом участке водораздела и почти соприкасаются друг с другом, расходясь затем в разных направлениях. И на самом водоразделе, и по близлежащим двум перевалам, и по руслам притоков этих рек людям было нетрудно совершать переходы с русла на русло, из долины в долину. Осуществлялись постоянные контакты между группами обитателей разных речных бассейнов, нередко они менялись местообитаниями – на короткое время или надолго, чему способствовал сезонный характер их хозяйства, а также близкое этническое родство.

Ближайшей к челканцам кондомской волостью была Итиберская, расселенная по р. Антропу (Бнтрап) и по Кондоме. Через нее, Елейскую, Сарычерскую и Барсоятскую волости челканцы были связаны с нижней Кондомой. В верховьях Мрассу С. Ремезов

помещал Кизинскую (Кызыльскую) волость, а также волости Кызылкарга, Шоры, Тазашы. Внутренние связи населения этого района осуществлялись, как уже сказано, по речным долинам и перевалам, поддерживая этнокультурную близость.

Устройство приисков в верховьях этих рек заставило аборигенов в массовом порядке покидать эти места, и между группами населения образовались территориальные разрывы, свободные пространства. Люди же расходились в разные стороны вниз по течению, что сводило на нет устоявшиеся взаимосвязи и отдаляло этнокультурно близкие группы друг от друга. Так было продолжено размежевание челканцев с прочими «кондомцами» и положено начало будущим шорскому и собственно челканскому этносам. В том же направлении действовало превращение сравнительно замкнутых экономических административно-податных управ (волостей) во вторично-родовые структуры или обособившиеся этноподобные образования.

Но в XIX в. русская волна не только с верховьев затапливала земли аборигенов, суживая их жизненное пространство и отделяя челканцев от итиберов. Развернулась русско-крестьянская колонизация, шедшая вверх по Лебеди с низовьев. Еще в 1856 г. последним русским поселком на Бие был Сайдып. Но уже в 1881 г. А. В. Адрианов отметил: «От Кыргызана до р. Базуль и ниже долины Лебеди, была сплошь занята русскими заимками. У реки Селезень... встретили пасеку какого-то Ташкентца, забравшегося сюда 3-4 года назад из Семипалатинска... Улус недалеко от горы Толбор ... был последним по Лебеди, дальше русские сенокосы»⁴⁷. С другой стороны, под давлением русских крестьян, отчасти по промысловой необходимости из-за потери угодий, верхние куманданцы заняли таежные площади между Кондомой и Бией – собственно итиберские владения, и отграничили челканцев с севера и северо-запада от Кондомских «шорских» волостей⁴⁸.

Окончательно размежевание челканцев и складывающихся шорцев произошло в 1905–1910 гг., в период столыпинской аграрной реформы. Тогда только к Кондомской крестьянской волости причислили 35 переселенческих пунктов с общим земельным наделом на более чем 3300 р.д.⁴⁹. К 1913 г. сменилось административное подчинение челканцев: управу перевели в Бийский уезд, т.е. формально «оторвали» от родственных групп

Горной Шории. Словом, в первом пятнадцатилетии XX в. челканцы почти превратились в этнический изолят, оказавшись окруженными верхними кумандинцами, русскими, тубаларами.

Вместе с тем, ядро челканской этнической территории все же осталось неизменным и в начале XX в. за вычетом земель, захваченных крестьянами, а Шелкальская Инородная управа сохранила этническую однородность и деление на два «сеока», в отличие от тубаларов, у которых сохранилась пестрота и смешанность в расселении разных родов и управ. В 1910 г. только в Усть-Селезене, причисленном к Шелкальской управе, жили 5 выходцев из Тагабской 1-й половины Инородной управы. И лишь один улус Тадачак был смешанным: помимо челканцев в нем обитали представители Кондомо-Елейской управы⁵⁰.

Челканцы не стремились покинуть свои земли, их число в других управах было незначительно. Так, в 1889 г. в Кондомо-Барссыятской управе они жили в улусах Осиновском (34 человека) и Усть-Калтанском (3 человека), а также 2 человека в аиле на р. Мандомаш. В улусах Подкатунь и Подкорчяк Кондомо-Бежбояковой управы отмечено 7 челканцев. В Кондомо-Елейской управе 6 человек обитали в улусе на р. Муньже и 7 в Верх-Антропском. В Верхне-Кумандинской управе челканцы пребывали в селе Борбинском (19 человек) и улусе Сапожкине (13 человек)⁵¹.

Таким образом, из общей численности челканцев в 874 человека, за пределами собственной Инородной управы в 1889 г. жили 99 человек, чуть более 10%. Показательны названия управ, в которых, помимо Шелкальской, предпочитали оседать челканцы. Как правило, это т.н. Кондомские управы, что лишний раз обозначает традиционные этнические тяготения этой этнической общности и косвенно подтверждает существование в старину широкого этнокультурного единства – «Кузнецкой земли» XVII в., частью которой были предки челканцев-чалканыг.

Исследователи издавна отмечали своеобразие челканцев. А. В. Адрианов писал: «Шелканы, представляют много интересных особенностей, которыми они отличаются от всех других черневых инородцев»⁵². Но уже к концу XIX в. они очень быстро стали русифицироваться, чему в огромной степени способствовали приисковое окружение и крестьянская колонизация, заимочные захваты. Даже в 1860-е гг. «их одежда мало отличается от шорской

и более приближается к русской; они носят кафтаны, шапки и даже длинные сюртуки с пуговицами, которые проникают к ним с золотых промыслов»⁵³. Процесс этот, впрочем, несколько ослаблялся традиционными отселениями отдельных челканских семей к кумандинцам и на Бийскую гриву, в пределы Кондомских волостей, куда отсылала их этноисторическая память. Так же воздействовало сохранение этнонимического названия управы и то, что на ее территории почти не было выходцев из других Инородных управ или иных аборигенных этносов. Постоянное пребывание и жизнедеятельность в рамках административной единицы, чье название являлось калькой самоназвания, способствовали укреплению этнического самосознания – важнейшего признака любого, даже крайне малочисленного, этноса.

Внимание центральной и местных властей к сибирским инородцам заметно усилилось на исходе XIX в. и отражало назревшую необходимость модернизации российской жизни – в том числе и через решение аграрной проблемы, а также отток избыточного крестьянского населения из Европейской России за Урал. Но изыскание «свободных» земель в инородческих районах Южной Сибири неизбежно упиралось в «особые» сословные права инородцев, в том числе и на земли, «ими обитаемые». Площадь этих земель в душевом расчете часто превышала даже у оседлого разряда положенный надел в 15 десятин на мужскую душу. Таким образом, решение аграрного вопроса зависело не только от успешного и скорого землеустройства как оседлых, так и кочевых инородцев, но и от ликвидации юридической основы инородческого землевладения, т.е. «Устава» 1822 г. К началу XX в. в аборигенной Южной Сибири требовалось не только землеустройство, но и административная реформа, которая приравнивала бы к крестьянам местных тюрков, независимо от разряда.

Землеустроительные работы, основанные на законах 1896 и 1899 гг. шли медленно. Кроме объективных причин, они сдерживались массовым нежеланием аборигенов, т.к. унификация земельных наделов сопровождалась административными изменениями: ликвидацией Инородных управ и распространением на них волостного управления крестьянского типа. Губернское управление в 1903 г. вынуждено было констатировать, что «открытие поземельно-устроительных работ у кочевых инородцев Горного

Алтая... преждевременны». В результате 12 мая 1904 г. были изданы «Правила устройства кочевых инородцев Бийского уезда Томской губернии», где значилось: «хотя Кондомо-Шелкальские инородцы бассейна р. Лебеди» в административном отношении и принадлежат к Кузнецкому уезду, «как аборигены обитаемой ими местности, находящейся в составе Бийского уезда, должны быть устроены здесь также в качестве приписного населения»⁵⁴.

Так ликвидировался один из последних реликтов объясачивания XVII в. Тогда местные власти интересовало прежде всего само отсутствие или наличие ясачных людей, от этого зависело, быть или не быть волости. В пространственном отношении волости не определялись. Со временем более или менее точные территориальные границы уездов (округов) установились, с ясачными волостями такой точности до конца не достигли вплоть до XX в. Поэтому и по традиции часто сохранялся центр ясачного притяжения и административного подчинения. Вот почему и в начале XX столетия челканцы жили «в местности» Бийского уезда, а подчинялись администрации Кузнецкого. Но связи с насущным землеустройством вначале возникла необходимость проведения межевания в их владениях, и вслед за тем – обязательность их административного переподчинения для сколько-нибудь успешного осуществления этих работ.

«Правила», приостанавливавшие землеустройство в Бийском округе, были отменены в 1911 г.. Губернское управление решило, что «кочевые инородцы Кергежской, Кузенской, Комляжской, Южской, 2 Чуйских волостей, 7 алтайских дючин и волости Кондомо-Шелкальской в бассейне р. Лебедь в пределах Бийского уезда признаются без различия причисления их к той или иной из названных административных групп населения, приписанными к ведомству, и в качестве такового отказываться от получения надела права не имеют»⁵⁵. Объединение всех кочевых волостей и определение их территории, как общей для всех, заложило предпосылки будущего национально-территориального образования – Горно-Алтайской автономии, а затем Республики Алтай. Но и дало импульс внутренним противоречиям между севером и югом нового образования: разная этническая история, разные комплексы жизнеобеспечения, разные административно-фискальные (потом экономические) центры притяжения были с

самого начала характерны для североалтайских Инородных управ и южноалтайских дючин.

Но вернемся к началу XX в. Согласно действовавшему тогда законодательству, в Горном Алтае подлежали наделению землей все инородческие поселения, т.е. села, деревни, группы юрт или айлы и, наконец, одиночные жилища. Надел каждое поселение могло получить самостоятельно, или же получало совокупный общий надел для нескольких поселений. Такой принцип был введен с учетом специфики поселений коренных обитателей Горного Алтая. Челканские улусы имели самую разную численность. Улус Атла с 30 жителями, улус Байгольский 2-й на правом берегу одноименной реки с 69 обитателями. И тут же – улусы, где население не достигало десятка: Базле – 5 человек, Муньжинский – 6 человек⁵⁶. Впрочем, для челканцев были типичны многолюдные поселки, что обуславливалось как древней традицией оседлости, так и влиянием русской земледельческой колонизации.

Состав, компоненты наделов жестко определялись законом. В качестве «постоянных угодий» в него включались усадебные и приусадебные земли, сенокосы, пашни, летние и зимние выгоны для скота. Оговаривались и «непостоянные угодья: пустопорожные пространства, малоценные лесные насаждения и неудобные земли»⁵⁷. То обстоятельство, что в наделы включались непродуктивные земли, открывало простор произволу землемеров и вызывало недовольство аборигенов. Уже 4 августа 1911 г. в губернское управление поступила жалоба от Варлама Сумаченкова и Кузеша Конторакова, инородцев айлов Таштаузен, Тура-узен, Кыргызак и Сурагашев Кондомо-Шелкальской кочевой Инородной управы Кузнецкого округа. До сведения доводилось, что при землеустройстве в земельные наделы их доверенных включено всего по 3–4 десятины удобной земли на душу, вместо 15. После рассмотрения жалобы губернские власти констатировали: «Площадь удобной земли в наделе составляет 1110 дес., на которые из числа 74 наделяемых душ приходится по 15 десятин. Но нужно отметить, что в составе приведенной площади непосредственно пригодной к сенокосению и пашне – 258,20 дес., остальное количество удобной земли составляют лишь долины из лесистых покатостей, площадь которых составляет 2489,90 дес. И эти склоны признаны удобными землями. Таким образом, жалоба Сумаченкова

и Конторакова объясняется недоразумением ее подателей, которые признают за удобную землю только совершенно чистые, пригодные для сенокосения и пашни пространства, которых в проекте – 258,20 дес., и на душу действительно приходится 3 десятины. Земли, признанные за неудобные, в проекте составляют 74% всей его площади. Но чистых мест в существующем землепользовании устроенной группы айлов нет, и что все существующее землепользование этой группы айлов за ними сохранено без отрезков. На этом основании жалобу оставить без последствий»⁵⁸.

По сути дела, во многих случаях землеустроительные работы проводились таким образом, что если у инородцев и существовали излишки земель, их оставляли за владельцами, иногда на условиях до принятия новых членов в «сельское общество». По мнению администрации, это должно было смягчить их недовольство. Но включение в 15-десятинный душевой надел всех земель, прежде всего, пустопорожних, не давало прекратиться протестам инородцев. Это означало, что кочевые отождествлялись с оседлым разрядом и лишней раз показывало явную метаморфозу государственной инородческой политики. Если до ХУШ в. основу повинностей составлял исключительно натуральный ясак, диктовавший отдаленные охотничьи походы и увеличивший степень подвижности тяглого населения, то уже с этого временного рубежа все чаще стали допускаться денежные выплаты вместо пушной подати. В 1912 г. из Томска отвечали на запрос Государственной Думы: в Кузнецком и Бийском уездах нет таких районов, где охота на соболя была бы «главным источником существования инородцев»⁵⁹. Сами же инородцы всячески старались давать натуральный ясак, заботясь о сохранении своего особого сословно-налогового статуса. Газета «Сибирская Жизнь» от 18 июля 1906 г. писала о том же: «Кочевые инородцы Кузнецкого уезда, как и раньше, сдают ясак пушниной, хотя его сдача деньгами была бы выгодней. Но инородцы убеждены, что тогда их будут отдавать в солдаты. Бывает, что инородцы сами покупают пушнину, чтобы сдать ее в ясак»⁶⁰.

Совершенно очевидно, что за период пребывания в российском подданстве аборигены настолько сжились с назначенной государством сословной принадлежностью, что она стала частью их менталитета. Перевод из кочевого разряда в оседлый и

последующее выравнивание в правах с крестьянами воспринимались ими как утрата гарантированных государством особых прав, неразрывно связанных с пребыванием в сословии «сибирских инородцев». Выплата подати не пушниной, а деньгами, наподобие крестьян, в их понимании означала первый шаг к утрате своей сословной принадлежности и «сагих себя», к превращению в русских крестьян. Помимо всего прочего это, как замечено выше, было и экономически невыгодно.

Наступавшие перемены пробудили открытое недовольство среди аборигенов. Челканцы, наравне с другими, резко отрицательно восприняли получение душевых 15-десятинных наделов наравне с русскими. В губернию шли прошения и жалобы. Но в отличие от земельной реформы, лишь косвенно влиявшей на сословно-правовые метаморфозы, гораздо более серьезные последствия имели административные преобразования. Речь идет о нивелировке сельского податного населения Сибири, что выразилось в переводе кочевых инородцев в оседлые и в переоформлении их органов местного самоуправления в стандартные волостные правления.

Сказано не раз, что челканцы испокон веков практиковали сезонный, но сугубо оседлый образ жизни с довольно многочисленными постоянными поселениями, по крайней мере, зимними. К XIX в. их комплексное хозяйство, хотя и сменило ориентацию в сторону пушной охоты и промысла вообще, продолжало базироваться на более или менее сбалансированном сочетании разных отраслей: охоты, скотоводства, домашней металлургии, традиционного ячменного земледелия. В 1849 г. фиксируется иная картина: Кондомо-Шелкальская волость общей численностью в 190 р.д. заседала лишь 9 десятин⁶¹. Когда в конце XIX в. губернские круги озаботились идеей перечисления кочевых инородцев в оседлые, кузнецкие власти недвусмысленно дали понять: «Кочевые инородцы ...земледелием занимаются в очень мелких размерах... Главными же занятиями... служит зверопромышленность, рыболовство и сбор кедровых орехов, так что через продажу добытых своим промыслом предметов, они докупают себе продовольствия хлеб и вое необходимое для жизни, а также уплачивают подати *ясак*»⁶².

Но уже в 1911 г. Томское губернское управление рассматривало представление Кузнецкого уездного съезда о переведении кочевых

инородцев в оседлый разряд и образовании вместо упраздняемых Инородных управ новых волостей. Документ сообщал, что все «кочующие инородцы ведут вполне оседлый образ жизни, занимаются звериным промыслом, охотой, рыболовством, пчеловодством, скотоводством и земледелием; последнее с каждым годом увеличивается ввиду сокращения звериного и охотничьего промысла». Руководство Кузнецкого уезда предлагало «улусы Кондомо-Шелкальской управы, расположенные по р. Лебеди, и ее притокам, перечислить к одной из волостей Бийского уезда, т.к. эти улусы расположены от Кузнецка в 360–420 верстах... и пути сообщения с ними очень трудны»⁶³.

С 1 января 1912 г. Кондомо-Шелкальская управа упраздняялась, а пока решался вопрос о причислении челканцев к Бийскому уезду, они приписывались Кондомской оседлой волости с введением у них волостного управления и суда. В месте с тем, за ними сохранились некоторые «инородческие» льготы: освобождение от воинской повинности и другие «личные права, предоставленные этому сословию по закону».

Новое административное устройство челканцев предполагало появление у них сельских обществ, аналогичных крестьянским, что привело к объединению в одном обществе нескольких улусов. В конечном итоге сложились следующие сельские общества бывшей Шелкальской Инородной управы: Караченское, в которое вошли улусы Куребес с населением 46 человек обоего пола, Атла (35), Карачан (51), Чебучен (39), Садринский 1-й (34) и Садринский 2-й (60); Сурунашевское с улусами Тара-Узень (63), Кыргызал (23), Сурунашев (38), Оо (28), Себезек (17), Колдырак (30), Базле (6); Байгольское с улусами Усть-Селезень (5), Байгол (70), Тадачак (51), Шокма (67), Карагай (34), Тогуна (54), Курмач (70); Клыкское сельское общество с улусами Клык (37), Ашкычак (34), Откуч (46), Чуя (61).⁶⁴

Таким образом, накануне упразднения Кондомо-Шелкальская Инородная управа насчитывала 24 улуса с общей численностью населения 1009 человек. Просьба Кузнецкой администрации об «отграничении» улусов этой волости к Бийскому уезду была удовлетворена. В 1913 г. образовали Лебедскую волость Бийского уезда. К ней в течение года, по мере утверждения земельных наделов, были причислены урочища Поломак, Кыргызак, Атла,

Байгол, аил Еразумашев и аил Иванов, заимка Казанцева, аилы Каралькин, Кыргызаков, Магалак, Откуч и Сарасов, урочище Садра, аилы Таштаузен, Тараузен, Кыргызак и Суранашев, с. Турочак, аил Усть-Базла, урочище Усть-Оо, Чебучен, аилы Чуя и Югазан, урочище Усть-Атла⁶⁵. В состав новой Лебедской волости вошли в основном челканские поселения, но она уже не была чисто челканской. При ее создании учитывались уже и иноэтничные включения – русские заимки, верхнекумандинский аил Каралькин, Турочак – улус бывшей Кузенской управы. В 1914 г. «наполнение» Лебедской волости продолжилось. В нее включили аил Санькин, урочище Ктебе, аилы Базлаев и Антошкин, деревню Тондошку и аил Калак (Данилкин). Все эти населенные пункты прежде числились в упраздненной Кузенской управе⁶⁶. Волостным, селом вначале сделали Байгольский улус, затем село Турочак.

Лебедская волость с момента образования объединяла населенные пункты по близости их местоположений друг к другу, игнорируя этническую принадлежность их жителей. Волостные органы самоуправления были общими для всех, получивших здесь земельные наделы и причисленных к ней. Все это наглядно демонстрировало, что в государственном устройстве Сибири и России окончательно утвердился административно-территориальный принцип.

Чисто челканская Шелькальская Инородная управа после реформы 1911–1914 гг. прекратила свое трехсотлетнее существование. Созданная на ее территориальной основе Лебедская волость стала теперь пестрой по этническому составу: челканцы, русские, верхние кумандинцы, тубаларские кузены. Кроме того, в волости образовывались переселенческие районы. Так, в 1913 г. из Верхне-Бийской волости в Лебедскую были переданы два переселенческих района: села Сузопское и Озеро-Куреевское⁶⁷. Полиэтничная Лебедская волость с этой поры стала быстро пополняться переселенцами из Европейской России. В целом аграрные и административные преобразования закончились здесь в 1915 г.

Быстро меняющаяся демографическая и этническая ситуация оказывала неблагоприятное воздействие на челканцев. Они утратили большинство своих «инородческих прав», позволявших им нейтрализовать «размывающие» влияния и экономическое

давление легально-юридическим путем, и сохранять в целости этнопоказательный комплекс признаков. В этом смысле им немало помогала довольно высокая степень этнической консолидации, достигнутая за трехвековую историю этноса-полуизолята. Но фактор общей политико-административной и социально-экономической модернизации был слишком силен, а привычные «законные» методы противостояния государству уже не годились.

Хотя «Устав об управлении инородцев» «де юре» так и не был отменен, «де факто» при проведении реформ на него просто не обращали внимания. По существу, челканцы после этого сохранили, как и прочие сибирские аборигены, одну лишь сословную принадлежность, скорее даже ее название – «сибирские инородцы». Тем более, что в 1916 г. они лишились последнего остатка былых «особых прав»: первая мировая война позволила правительству мобилизовывать инородцев на тыловые работы.

После Февральской революции 1917 г., отменившей сословия, челканцы практически слились с крестьянской массой своей волости. Но деятельность Алтайской Горной Думы в 1917 г. создала предпосылки создания в 1922 г. Ойротской автономной области, частью которой стал Лебедской-Турочакский аймак, а челканцы заняли свое место рядом с другими народами нового национально-территориального образования.

В заключение отмечу: поскольку с XVII по XIX вв. челканцы занимали удобную для перспективного этнического развития нишу в административно-территориальной системе Южной Сибири, постольку в начале XX в. они находились на демографическом подъеме. При общей численности в тысячу с небольшим человек, лишь 99 из них платили подати, т.е. были мужчинами в возрасте от 18 до 60 лет. Основную массу составляли дети и женщины (члены типичных для этих мест патронимий), что и обозначает благоприятную демографическую ситуацию. Этнодемографический спад начался с завершением аграрно-административных реформ 1905–1915 гг. и особенно наглядно проявился в советские годы в границах автономии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. – Л.: Наука, 1969. – С. 104.
2. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. – М.: – Л.: АН СССР, 1941. – Т. 2. – С. 568.
3. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. – М.: – Л.: АН СССР, 1937. – Т. 1. – С. 423.
4. *Самаев Г. П.* Горный Алтай в ХУП – середине XIX в.; проблемы политической истории и присоединения к России. – Горно-Алтайск, 1991. – С. 66.
5. *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в ХУП в. – М.: АН СССР, – 1960. – С 404.
6. *Сборник* кн. Хилкова. – СПб, 1879. – С. 189.
7. *Там же*, с. 191.
8. *Там же*, с. 192.
9. *Токарев С. А.* Докапиталистические пережитки в Ойротии. – М – Л. 1936. – С. 79–80; *Потапов Л. П.* Этнический состав...– С. 108–111; *Функ Д. А.* Численность и расселение челканцев в XIX веке //Челканцы в исследованиях и материалах XX века. – М.: АН РФ, 2000. – С. 42.
10. *Токарев С. А.* Указ. раб., с. 80.
11. *Потапов Л. П.* Указ. раб., с. 108.
12. *Миллер Г. Ф.* История Сибири. – Т. 2. – С. 370.
13. *Шерстова Л. И.* Этнополитическая история тюрков Южной Сибири в XVII–XIX веках. – Томск: Изд-во ТПУ, 1999. – С.81–83.
14. *Радлов В. В.* ИЗ Сибири. – М.: АН СССР. – С. 210.
15. *Потапов Л. П.* Указ. раб., с. 70.
16. *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб, 1883. – Т. 1У. – С. 939.
17. *Потапов Л. П.* Указ. раб., с. 51, 70.
18. *Там же*, с. 73.
19. *Функ Д. А.* Указ. раб., с. 44.
20. *Швецов С. П.* Горный Алтай и его население. Кочевники Бийского уезда. – Т. 1. – Вып. 1. – Барнаул, 1900. – С. 93, 98; *Потапов Л. П.* Этнический состав... – С. 27.
21. *Шерстова Л. И.* Указ. раб., с. 67–70.
22. *Самаев Г. П.* Указ. раб.. с. 73.

23. *Элерт* А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. – Новосибирск: СО РАН, 1990. – С. 76.
24. *Фишер* И. Э. Сибирская история. – СПб, 1774. – С. 214.
25. *Самаев* Г. П. Указ. раб., с. 71.
26. *Там же*, с. 71.
27. *Потапов* Л. П. Указ. раб., с. 111.
28. *Миллер* Г. Ф. История Сибири. – Т.1. – С.438, 442; – Т.2. – С. 259, 370.
29. *Самаев* Г. П. Указ. раб., с. 87–89.
30. *Потапов* Л. П. Очерки по истории алтайцев. – Новосибирск, 1948. – С. 175.
31. *Самаев* Г. П. Указ. раб., с. 84.
32. *Потапов* Л. П. Этнический состав... – С. 212.
33. *Самаев* Г. П. Указ. раб., с. 86.
34. *ГАТО* Ф. 44., Д.1. – Л. 87, 99; *Функ* Д. А. Указ. раб., с. 42.
35. *Шашков* С. С. Сибирские инородцы в XIX столетии // Собрание сочинений. – СПб, 1898. – Т.2. – С. 571.
36. *Функ* Д. А. Указ. раб., с. 42.
37. *Шерстова* Л. И. Указ. раб., с. 220–238.
38. *ГАТО*. Ф. 144. Оп. 1. Д. 54. – Л. 68–75; Ф. 2. Оп. 1. Д. 56. – Л. 300.
39. *ГАТО*. Ф. 2. Оп. 1. Д. 56. – Л. 1160–1163.
40. *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 44. Д. 3886. – Л. 13.
41. *Шашков* С. С. Указ. раб., с. 607.
42. *Адрианов* А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г., 1886. – СПб. – С. 59.
43. *Сибирская советская энциклопедия*. – Т. 1. – Новосибирск, 1929. – С. 84–85.
44. *Адрианов* А. В. Указ. раб., с. 43–44.
45. *Ремезов* С. У. Чертежная книга Сибири. – СПб, 1882. – Л. 14.
46. *Потапов* Л. П. Очерки... – С. 174.
47. *Адрианов* А. В. Указ. раб., с. 60.
48. *Потапов* Л. П. Очерки... – С. 286.
49. *ГАТО*. Ф. 3. Оп. 45. Д. 990. – Л. 129.
50. *ГАТО*. Ф. 3. Оп.45. Д.990. – Л. 143.
51. *Функ* Д. А. Указ. раб., с. 45–46.
52. *Адрианов* А. В. Указ. раб., с. 59.
53. *Землеведение Азии* Карла Иттера. – Т. IV. – СПб., 1887. – С. 437.

54. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4033. – Л. 1.
55. Там же. – Л. 2.
56. Функ Д. А. Указ. раб., с. 45–46.
57. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4033. – Л. 5.
58. Там же. – Л. – С. 510–511.
59. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4052. – Л. 7.
60. Сибирская Жизнь. № 152, 1906.
61. ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 56. – Л. 1292.
62. ГАТО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 100. – Л. 10.
63. ГАТО. Ф. 3. Оп. 45. Д. 990. – Л. 126.
64. Там же. – Л. 143.
65. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4142. – Л. 100.
66. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4144. Л. 18; Список населенных мест Томской губернии на 1911 г. – Томск, 1911. – С. 324–326.
67. ГАТО. Ф. 3. Оп. 44. Д. 4117. – Л. – С. 749.